E 58
192

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ПАРИЖѢ.(*)

Въ 1717 году Петръ Великій предпринялъ второе путешествіе по Европѣ, съ намѣреніемъ посѣтить и Францію. Еще незадолго до смерти Людовика XIV Петръ изъявилъ желаніе пріѣхать въ Парижъ, но король отклонилъ это намѣреніе: онъ былъ уже старъ, боленъ, финансы государственные были такъ разстроены, что не позволяли ему блеснуть прежнею придворною пышностью, а къ простымъ пріемамъ Людовикъ XIV не привыкъ. Семьнадцать мѣсяцевъ послѣ его смерти, честь принять Петра выпала на долю его преемнику молодому Людовику XV, которому 15 февраля 1717 года только минуло 8 лѣтъ. Въ этотъ день няньки передали молодаго короля послѣ обычнаго медицинскаго осмотра, въ добромъ здоровьѣ, подъ мужской присмотръ, для воспитанія; регентъ принялъ короля отъ няньки герцогини Вентадуръ (Ventadour). Обрядъ этотъ совершился съ нѣкоторою торжественностью. По пріѣздѣ въ Парижъ, послѣ свиданія съ королемъ, Петръ писалъ къ Меншикову, отъ 2 мая: „Объявляю вамъ, что я прибылъ сюда Апрѣля 26 благополучно и три дни съ двора не съѣзжалъ для визитовъ и нынѣ началъ, что надобно, смотрѣть. Ѣдучи дорогою до Парижа видѣли въ подломъ народѣ бѣдность не малую. *Король матерой человѣкъ и гораздо старъ лѣтами, а именно семи лѣтъ*, который былъ у меня и я у него“ (1).

Въ сущности не одно любопытство и жажда знаній привлекли Петра въ Парижъ: цѣль его была расторгнуть союзъ Франціи съ Швеціей и заключить союзъ съ Людовикомъ XV; онъ хотѣлъ этимъ укрѣпить за собою завоеванныя имъ у Швеціи владѣнія, а Франціи обезпечить условія утрехтскаго договора. Во все время пребыванія Петра Великаго въ Парижѣ шли переговоры по этому вопросу; регентъ поручилъ вести ихъ маршалу Тессе (Tessé), подъ руководствомъ маршала Юкселла (Uxelles), президента совѣта иностранныхъ дѣлъ. Царскіе министры предлагали: взаимную дружбу между обѣими державами и союзъ, заключеніе оборонительнаго договора, коимъ царь и король Прусскій гарантировали бы Франціи баденскій и утрехтскій договоры, а Франція, съ своей стороны, гарантировала бы царю одержанныя имъ надъ Швеціей побѣды и что она не будетъ помогать Швеціи, ни прямо, ни косвенно, деньгами или войскомъ. На эти предложенія маршалъ Тессе отвѣчалъ, что Франція готова заключить съ Россіей дружественный союзъ, но въ то же время она не можетъ и не хочетъ нарушать заключенныхъ съ союзниками договоровъ, и такъ какъ у нея заключенъ уже подобный договоръ съ Швеціей, она можетъ только обѣщать не возобновлять его. Гарантировать же побѣды не возможно, потому что успѣхъ оружія слишкомъ не постояненъ. На отвѣтъ маршала Тессе царскіе министры

(*) Въ № 5 мъ Еженедѣльнаго Прибавленія къ Русскому Инвалиду 1865 г. помѣщенъ переводъ статьи Эдуарда де Бартелеми (изъ Revue Contemporaine), подъ заглавіемъ: „Петръ великій во Франціи въ 1716 году.“ Статья эта составлена по французскимъ бумагамъ и мемуарамъ; помѣщаемая же нами здѣсь — преимущественно по источникамъ *русскимъ*. *П. Б.*

(1) Дополн. къ дѣян. Петра В. Голикова т XI, стр. 396.

БИБЛІОТЕКА

возражали, что никто не мѣшаетъ Франціи заключить съ Россіей договоръ, упрочивающій за Франціей утрехтскій и баденскій договоры, тѣмъ болѣе, что царь русскій, угождая этимъ Франціи, дѣлаетъ тѣмъ самымъ непріятное Римскому императору. Если же Франція затрудняется гарантировать побѣды Россіи надъ Швеціей, то Россія въ этомъ не нуждается, но зато она желаетъ, чтобы никто не мѣшалъ Русскому царю самому расправляться съ Шведскимъ королемъ и чтобъ договоръ заключенный съ Швеціей былъ обращенъ къ Россіи, потому что система Европейскаго равновѣсія измѣнилась: Франція заключила съ Швеціей трактатъ въ то время, когда у Шведскаго короля были владѣнія въ Германіи и союзъ съ Швеціей и другими германскими союзниками уравновѣшивалъ могущество Римскаго императора; теперь обстоятельства измѣнились: Франція потеряла своихъ германскихъ союзниковъ, Швеція, почти уничтоженная, не можетъ быть болѣе никакою помощію, вліяніе императора усилилось, и потому Россія предлагаетъ Франціи союзъ вмѣсто Швеціи и не только съ собою, но и съ Пруссіей, безъ которой дѣйствовать нельзя. Польша будетъ сама просить примкнуться къ этому союзу, и тогда не только что возстановится равновѣсіе, зависѣвшее отъ Швеціи, но соединенныя силы этихъ государствъ перевѣсятъ могущество Римскаго императора. Далѣе, эти предложенія Россіи не противорѣчатъ и заключеннымъ договорамъ Франціи съ Англіей и Голландіей, въ интересахъ которой ослабить власть Римскаго императора: Англія же такъ непостоянна и притомъ раздираемая внутренними раздорами, она можетъ легко обмануть ожиданія Франціи: тогда Россія замѣнитъ и Швецію и Англію, но съ тѣмъ, чтобы вспомоществованія назначавшіяся Швеціи, деньгами или войскомъ, по окончаніи срока договора заключеннаго съ Швеціей, должны быть предназначены Россіи (2).

На заключеніе союза Петръ подписалъ въ Парижѣ, 8 іюня, полномочіе барону Шафирову и тайнымъ совѣтникамъ Петру Толстому и князю Куракину. По случаю этихъ переговоровъ герцогъ Сенъ-Симонъ (Saint-Simon) пишетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: „Ничто болѣе сего не могло благопріятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи, а король Георгъ сильно его опасался изъ за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи равно какъ и императору Римскому умѣлъ онъ внушить большое къ себѣ уваженіе: однимъ словомъ безспорно то, что онъ былъ весьма важное лице въ Европѣ и Азіи, и что Франція много бы выиграла отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало по малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ неприличнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще долго послѣ его отъѣзда. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента, тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровергаемые доводы: онъ просто находился въ обаяніи отъ аббата Дюбуа, (Dubois), поддерживаемаго еще д'Эффіатомъ (d'Effiat), Канильякомъ (Canillac) и дюкомъ де Ноайль (duc de Noailles). Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскаяваться въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіею условій".

Пріѣздъ Петра Великаго въ Парижъ возбудилъ всеобщее любопытство: газеты и журналы того времени, слѣдившіе за

---

(2) Mémoires du maréchal Tessé T. II.

2007099171

его путешествіемъ по Европѣ, печатали отчетъ о каждомъ его дѣйствіи.

Во Францію царь поѣхалъ изъ Остенде (Ostende); въ Садкотѣ (Sadcôte), Либуа (Libois) королевскій камеръ-юнкеръ, привѣтствовалъ его отъ имени короля и регента, герцога Орлеанскаго. 21 апрѣля царь прибылъ въ Дюнкирхенъ (Dunquerque); тутъ, какъ и во всѣхъ городахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, его встрѣчали съ пушечной пальбой и со всѣми почестями, которыя отдаются коронованнымъ особамъ; изъ Дюнкирхена онъ выѣхалъ 25 апрѣля и ночевалъ въ Кале (Calais), куда былъ присланъ отъ короля для его встрѣчи маркизъ Нель (Nesle). 4-го мая Петръ ночевалъ въ Булони (Boulogne), 5-го въ Абевилѣ (Abbeville), 7-го числа прибылъ въ Бомонъ (Beaumont), гдѣ его ожидалъ съ королевскими каретами маршалъ Тессе, которому поручено было регентомъ состоять при русскомъ царѣ во все время его пребыванія въ Парижѣ. Въ 5 часовъ царь и Тессе, въ сопровожденіи отряда гвардіи, выѣхали изъ Бомона, обѣдали въ деревнѣ Эльбёвъ (Elboeuf), проѣхали чрезъ Сенъ-Дени (Saint-Denis) и въ десятомъ часу вечера пріѣхали въ Парижъ и остановились въ Луврѣ, въ комнатахъ покойной вдовствующей королевы. Тутъ Петръ пробылъ съ три четверти часа, посмотрѣлъ на два стола, накрытые на 60 человѣкъ, спросилъ хлѣба и рѣдьки, попробовалъ шести сортовъ вина, выпилъ два стакана пива, которое особенно любилъ, и отправился въ домъ Ледигіера (Lesdiguiéres), принадлежавшій маршалу Виллероа (Villeroi), въ которомъ онъ долженъ былъ жить. Тщетно маршалъ Тессе упрашивалъ царя сѣсть за столъ, увѣряя, что король будетъ очень радъ, если онъ проведетъ нѣсколько дней въ Луврѣ: Петръ отказался и просилъ, чтобы его не стѣсняли въ его дѣйствіяхъ; повидимому, ему показалось помѣщеніе въ Луврѣ слишкомъ великолѣпнымъ, и онъ уѣхалъ. Въ домѣ Ледигіера встрѣтилъ царя человѣкъ со свѣчькой; Петръ взялъ изъ его рукъ свѣчьку, прошелъ въ спальню, остался недоволенъ приготовленною для него постелью и ушелъ спать въ комнату своего деньщика, гдѣ легъ на свою походную кровать. У воротъ дома Ледигіера поставленъ былъ почетный караулъ, состоявшій изъ 50 человѣкъ Французской и Швейцарской гвардіи подъ начальствомъ поручика; восемь гвардейцевъ съ однимъ офицеромъ сопровождали царя, когда онъ выѣзжалъ. Содержаніе Петра и его свиты въ Парижѣ было на королевскій счетъ и обходилось въ день 1800 ливровъ.

На другое утро по пріѣздѣ, Петръ всталъ въ пятомъ часу и принималъ представлявшихся ему сановниковъ, спрашивая чинъ и званіе каждаго. Князь Куракинъ присутствовалъ при этомъ представленіи въ качествѣ переводчика. Въ тотъ же день: „Былъ у его царскаго величества французской здѣшній регентъ Дукъ де Орлеанъ и за нимъ его гвардія, съ визитомъ, гдѣ принятъ былъ изрядно“ (3). У кареты, регента встрѣтили четверо изъ свиты царя, а Петръ принялъ его въ передней и повелъ во внутреннія комнаты, идя по лѣвую сторону регента; но такъ какъ въ комнатѣ, въ которой они сѣли, было много постороннихъ, то царь пригласилъ регента въ свой кабинетъ; тутъ они цѣловались нѣсколько разъ и сѣли; князь Куракинъ стоялъ возлѣ нихъ и переводилъ ихъ рѣчи; совѣщаніе продолжалось полчаса, оба остались весьма довольны другъ другомъ; герцогъ Орлеанскій былъ плѣненъ умомъ Петра. Свидѣтели сравниваютъ это свиданіе съ свиданіемъ Аннибала и Сципіо-

(3) Выписка эта и слѣдующія за нею заимствованы изъ Юрнала путешествія Петра Великаго 1717 года, изданнаго II отдѣл. собствен. Е. И. В. канцеляріи.

на, которые разстались преисполненные другъ къ другу взаимнымъ удивленіемъ.

„Въ 29 день апрѣля (10 мая), его королевское величество Людовикъ XV, въ шестомъ часу, изволилъ быть у его царскаго величества, гдѣ его величество встрѣтилъ у кареты и принялъ его и потомъ говорили дискурсы у кареты, а потомъ изволили ихъ величества итти во свои палаты, и имѣлъ дискурсъ его царское величество съ королевскимъ величествомъ французскимъ; царское величество изволилъ говорить съ нимъ чрезъ господина посла князя Куракина, а его королевское величество французской изволилъ говорить чрезъ дядьку своего Дука де Виллероя. И побывъ его королевское величество у царскаго величества съ четверть часа, потомъ встали и пошли въ залу и бывъ въ залѣ минутъ съ шесть, потомъ его королевское величество изволилъ путь свой воспріять до своихъ королевскихъ палатъ, гдѣ его провожалъ царское величество самъ“. Король пріѣхалъ къ Петру въ сопровожденіи отряда изъ 50 человѣкъ гвардіи, съ трубами и барабанами; современники описываютъ, что царь встрѣтилъ короля у кареты, поцѣловалъ его и понесъ на рукахъ въ свои комнаты; другіе присовокупляютъ, что свиданіе монарховъ было такъ нѣжно и трогательно, что нѣкоторые не могли удержать своихъ слезъ. Петръ все время не сводилъ глазъ съ молодаго Людовика.

«Въ 30 день апрѣля, до обѣда изволилъ его царское величество быть въ арсеналахъ или въ королевскихъ домахъ и гдѣ льютъ мѣдныя всякія статуи и въ огородахъ, такожъ и въ оптекарскомъ огородѣ за городомъ, тутъ же и въ оптекарскомъ дому, гдѣ изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей; потомъ были у царскаго величества Парижскіе магистраты 12 человѣкъ въ вишневыхъ бархатныхъ епанчахъ, гдѣ его царское величество визитовали. Въ пятомъ часу по полудни изволилъ его величество быть у королевскаго величества французскаго, въ Тюлеріи, съ церемоніею».

Петръ ѣздилъ въ Тюльерійской дворецъ въ королевскихъ каретахъ, присланныхъ за нимъ; его сопровождали: князь Долгорукій, баронъ Шафировъ, князь Куракинъ и маршалъ Тессе; на дорогѣ были разставлены французская и швейцарская гвардія, которыя били въ барабаны. Пріемъ, сдѣланный королемъ, былъ совершенно одинаковъ съ тѣмъ, который ему сдѣлалъ царь наканунѣ того дня. Того же числа городскіе магистраты съ оберъ-церемоніймейстеромъ маркизомъ Дрё (Dreux) привѣтствовали Петра и поднесли ему обычные подарки, послѣ чего царь осматривалъ площади: королевскую, побѣдъ и Людовика великаго.

«Въ 1-й день мая его царское величество изволилъ быть, гдѣ дѣлаютъ шпалеры и смотрѣлъ лутчихъ шпалеръ и изволилъ быть въ анатоміи и въ гобленѣ и въ обсерваторіи».

Въ гобленѣ, то есть на гобелиновой фабрикѣ, отъ имени регента, поднесены были Петру въ подарокъ четыре ковра, вытканные съ картинъ Жувенета (Jouvenet) изображавшія: рыбную ловлю св. Петра, воскресеніе Лазаря, исцѣленіе разслабленнаго и изгнаніе изъ храма торгующихъ.

„Во 2-й день мая принималъ лѣкарство и никуда до обѣда не ѣздилъ, только послѣ обѣда былъ на стекляныхъ заводахъ“.

„Въ 3-й день мая изволилъ быть въ королевскомъ дому на галереѣ, гдѣ лутчія картины и смотрѣлъ въ другой большой галереѣ моделей лутчихъ крѣпостей и городовъ и потомъ изволилъ быть въ Луврѣ и гдѣ дѣлаютъ статуи и въ королевскомъ огородѣ“. Осмотрѣвъ академію живописи, планы французскихъ городовъ, крѣпостей и портовъ, Петръ въ тотъ же день отдалъ

визитъ и регенту, который принялъ его у кареты, провелъ въ комнаты и показалъ ему свою картинную галлерею; отъ регента Петръ прошелъ къ герцогинѣ Орлеанской, которая представила ему герцога Шартрскаго (duc de Chartres) и дочь герцога Монпансье (Montpensier); вечеромъ регентъ пригласилъ царя въ свою ложу слушать оперу. Во время представленія, Петръ спросилъ пива, герцогъ Орлеанскій подалъ ему стаканъ пива на подносѣ и салфетку; царь выпилъ не вставая и поблагодарилъ герцога, который все время стоялъ передъ нимъ съ подносомъ.

„Въ 4-й день мая, царское величество изволилъ быть въ оптекарскомъ огородѣ, въ оптекѣ и изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей".

«Въ 5 день мая изволилъ быть въ госпиталіи.»

Въ госпиталіи, то есть въ Инвалидномъ домѣ, маршалъ Виллярсъ (Villars) принималъ царя, который обласкалъ старыхъ солдатъ, называлъ ихъ товарищами, отвѣдалъ ихъ хлѣба и супа и выпилъ за ихъ здоровье вина.

„Въ 6-й день мая его царское величество изволилъ ѣздить отъ Парижа въ королевскую деревню Медонъ, которая отъ Парижа ѣзды 2 часа, зѣло изрядная, а паче домъ и огородъ."

Въ медонскомъ дворцѣ Петръ особенно удивлялся величинѣ зеркаловъ.

«Въ 7-й день, изволилъ кушать у вице-адмирала маршала Детре (d'Estrées) и былъ вторично на обсерваторіи».

«Въ 8 день мая его царское величество изволилъ смотрѣть анатомическихъ вещей, сдѣланныхъ изъ воску».

«Въ 9 и 10 день мая былъ дома и принималъ лѣкарства, ибо тотъ день съ утра занемогъ». 9-го мая Петръ долженъ былъ обѣдать въ Сенъ-Клу, гдѣ все было приготовлено къ его пріему, и даже кареты короля пріѣхали за нимъ; но болѣзнь царя воспрепятствовала этой поѣздкѣ.

11-го мая Петръ поѣхалъ въ 6 часовъ вечера въ люксембургскій дворецъ, съ визитомъ къ герцогинѣ Беррійской; маркизъ Ларошфуко (Larochefoucauld) встрѣтилъ его на лѣстницѣ внизу, маркизъ Гетенфо (Hetenfaut) у входа въ комнаты, а герцогиня въ дверяхъ своего кабинета. Послѣ визита Петръ изъявилъ желаніе осмотрѣть дворецъ; герцогиня довела его до галлереи Рубенса и возвратилась къ себѣ, а Петръ, осмотрѣвъ дворецъ, пошелъ въ садъ.

«Въ 12 день мая его царское величество изволилъ быть въ Сенъ-Клю у Дюка де Орлеана и тамъ изволилъ обѣдать и гулять въ огородѣ до вечера, которой огородъ зѣло изрядной, подъ Версаліею первой.»

Въ Сенъ-Клу (Saind-Cloud) встрѣтилъ Петра у кареты герцогъ Орлеанскій и повелъ его въ комнаты къ обѣду, послѣ котораго царь гулялъ въ саду, гдѣ играли фонтаны и выбрасывали воду на 135 футовъ вышины, потомъ онъ катался по парку верхомъ и въ колескѣ; регентъ всюду сопровождалъ его. Петръ возвратился въ Парижъ черезъ Булонскій лѣсъ и по дорогѣ заѣхалъ на чулочныя фабрики; въ Елисейскихъ поляхъ была собрана гвардія, которой царь произвелъ смотръ; вечеръ того же дня онъ провелъ у герцогини Орлеанской.

«Въ 13 день мая поѣхалъ въ Версалію послѣ обѣда и пріѣхавши въ Версалію, смотрѣлъ до вечера палатъ».

Но утромъ передъ отъѣздомъ въ Версаль, Петръ былъ у короля инкогнито и показывалъ ему на картѣ Московіи, составленной географомъ Делилемъ, то мѣсто, гдѣ онъ предполагалъ соединить Волгу съ Дономъ, для сообщенія Каспійскаго моря съ Чернымъ и путь, по которому онъ велъ свои войска въ Полтаву. Маршалъ Виллеруа показывалъ Петру всѣ государственные брилліанты, которые по видимому мало занимали царя; послѣ это

го въ сопровожденіи герцога д'Антенъ (duc d'Antin) и маршала Тессе, Петръ отправился въ Версаль. Герцогъ д'Антенъ подарилъ царю описаніе Парижа на русскомъ языкѣ: любезность эта была очень пріятна Петру.

Въ Версали приготовленныя для царя комнаты были великолѣпно убраны; отрядъ гвардіи охранялъ входы въ паркъ, чтобы любопытные въ него не входили. Петръ пріѣхалъ довольно рано и въ тотъ же день осматривалъ дворецъ.

«Въ 14 день мая изволилъ смотрѣть въ Версаліи огорода и фонтановъ, изволилъ быть въ Тріанѣ и гулялъ въ баржахъ по Версальскому огороду.»

Въ лодкѣ онъ приплылъ въ Тріанонъ, гдѣ и почевалъ со свитой въ покояхъ госпожи Ментенонъ. Блуинъ (Blouin), старый слуга фаворитки, былъ оскорбленъ непристойностью русскихъ нравовъ, которые были совершенно противоположны съ нравами послѣднихъ лѣтъ жизни Людовика XIV. Иностранныя свидѣтельства говорятъ, что самъ царь и нѣкоторые изъ его свиты долго помнили ночь, проведенную въ Тріанонѣ.

„Въ 15 день мая, его царское величество былъ въ Марліи и тамъ изволилъ кушать и послѣ обѣда возвратился паки въ Версалію.»

«Въ 16 день мая, изволилъ по утру ѣхать въ Парижъ для великой церемоніи, въ которой былъ кардиналъ и аршевеки.»

Въ этотъ день отправлялось торжество пятидесятницы. Петръ ѣздилъ въ храмъ Богоматери, гдѣ слушалъ обѣдню, которую совершалъ кардиналъ Ноаль (Noailles); при этомъ царь замѣтилъ, что кардиналъ, котораго онъ считалъ, какъ патріарха, первою духовною особою во Франціи, совершалъ богослуженіе одинъ, а не съ двумя епископами, какъ въ Россіи.

17-го мая Петръ былъ на монетномъ дворѣ, гдѣ при немъ чеканили золотую и серебряную монету; потомъ онъ былъ въ королевской библіотекѣ, гдѣ ему поднесены были въ подарокъ двѣнадцать книгъ съ гравированными изображеніями Версальскихъ садовъ и зданій и походовъ Людовика XIV, съ картинъ знаменитаго живописца Van der Meulen.

«Въ 18-й день мая, изволилъ быть по утру въ банѣ, а послѣ обѣда списывали персону».

Въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, съ него списали два портрета художники Риго (Rigault) и Нотуаръ (Notouar) по просьбѣ регента; одинъ въ панцырѣ писанъ Нотуаромъ, а другой въ гвардейскомъ мундирѣ писанъ Риго. Въ Версальскомъ дворцѣ находится и теперь современный портретъ Петра Великаго.

«Въ 19 день мая, поѣхалъ въ Фонтенделоу и тамъ былъ съ Контомъ де Тулузомъ до 21-го и въ вечеру 21-го возвратились въ Парижъ.»

Послѣ обѣда у герцога д'Антенъ, Петръ въ сопровожденіи генералъ адмирала графа Тулузскаго (comte de Toulouse), отправился во Фонтенебло, гдѣ на другой день послѣ прибытія, полтора часа, охотился за оленями, на конѣ графа Тулузскаго, послѣ чего онъ обѣдалъ въ павильонѣ, на островѣ, и почевалъ у герцога д'Антенъ, отъ котораго 21-го мая приплылъ въ Парижъ по Сенѣ, въ лодкѣ, съ восемью гребцами; онъ проѣхалъ подъ всѣми Парижскими мостами и высадился недалеко отъ Тюльерійскаго дворца, гдѣ его ожидала карета маршала Тессе, въ которой онъ возвратился бульварами домой; дорогою заѣхалъ съ визитомъ къ принцессѣ Конти (princesse de Conti), у которой завтракалъ, послѣ чего накупилъ у фейерверщика ракетъ и забавлялся ими въ своемъ саду.

23 мая, Петръ поѣхалъ въ Сенъ-Дени (Saint-Denis), гдѣ осмотрѣлъ церковь, ризницу, королевскія гробницы и зданіе новоначатаго монастыря и возвратился черезъ Сенъ-Уанъ (Saint-Ouan).

24 мая, царь смотрѣлъ съ балкона въ улицѣ св. Антонія на духовную процессію и послѣ полудня снова поѣхалъ въ Версаль, въ сопровожденіи маршала Тессе и маркиза Белегарда (marquis de Bellegarde). Петръ оставался недолго въ Версали; онъ ночевалъ въ Тріанонѣ, гдѣ и пробылъ до 27 мая, въ который день поѣхалъ въ Клюни (Cluny), оттуда въ Марли (Marly), гдѣ какъ и въ Тріанонѣ для него срисовывали нѣкоторые виды самыхъ красивыхъ мѣстъ.

«Въ 30 день мая, въ Марли, день рожденія его величества праздновали и въ вечеру былъ фейерверокъ, въ огородѣ около фантанъ и кашкадъ были луминаціи». Множество фонарей и плошекъ было прислано изъ Парижа для иллюминаціи этого дня; каскадъ Агриппины, болѣе всѣхъ понравившійся Петру, былъ особенно освѣщенъ. Послѣ фейерверка былъ балъ и ужинъ; противъ обыкновенія Петръ ушелъ спать очень поздно.

На другой день онъ проѣхалъ изъ Марли въ Сенъ-Жермень (Saint-Germain), а оттуда въ Сенъ-Сиръ (Saint-Cyr) и возвратился ночевать въ Марли, откуда на другое утро поѣхалъ въ Версаль. «И изволилъ быть въ Версальскомъ огородѣ въ первый день іюня до вечера, а въ вечеру, въ шестомъ часу, изволилъ быть на королевскихъ большой и меньшой конюшняхъ и потомъ поѣхали въ Парижъ и не доѣзжая Парижа были въ монастырѣ женскомъ, гдѣ живетъ королева Англинская и потомъ были въ дому королевскомъ, гдѣ всякія медаліи тиснятъ, гдѣ тогда и его величества персону вытиснули, которую тогда Дукъ де Анте его величеству поднесъ, а другимъ всѣмъ роздалъ по серебряной медаліи съ портретомъ его величества, и оттуды пріѣхали на свою квартиру.»

По прибытіи въ Версаль, Петръ снова осматривалъ дворецъ и кабинетъ медалей, послѣ обѣда онъ ходилъ на конюшни и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Версаля въ Шалльонъ (Chaillon) съ визитомъ къ вдовствующей королевѣ Англійской; вечеромъ въ 7 часовъ онъ возвратился въ Парижъ и отправился на монетный дворъ, гдѣ его ожидали герцогъ д'Антенъ съ нѣкоторыми дамами и придворными; тутъ его встрѣтилъ г. де Лоней (de Launey) директоръ монетнаго двора, показалъ ему всѣ работы и выбилъ въ честь его золотую медаль, которую и поднесъ ему; на одной сторонѣ было грудное изображеніе Петра въ латахъ, покрытыхъ порфирою съ надписью вокругъ: «Petrus Alexiewitz Tzar, Mag. Russ. imp.“, а на другой сторонѣ представлена, при восходящемъ солнцѣ, отъ земли парящая и проповѣдывающая трубнымъ гласомъ слава съ слѣдующимъ стихомъ изъ Виргилія вокругъ: «Vires aquirit eundo.» Внизу: „Lutet. Parisi. 1717“(*). Подобныя же медали, только серебряныя, были розданы всей свитѣ Петра; послѣ этого г. де Лоней повелъ царя въ кабинетъ медалей и показалъ ему всѣ находившіяся тамъ рѣдкости.

«Во 2-й день іюня, кушалъ дома, а послѣ обѣда поѣхалъ въ домъ Дука де Анте и тамъ были до вечера“, гдѣ и ужиналъ.

«Въ 3 день, по утру изволилъ быть въ академіи», то есть въ Сорбоннѣ. Въ этотъ день Петръ осматривалъ коллегію четырехъ націй, основанную Мазариномъ и королевскую типографію, гдѣ при себѣ приказалъ отпечатать нѣсколько пробныхъ оттисковъ; потомъ посѣтилъ и Сор-

(*) *Медаль на память пребыванія его величества императора Петра великаго въ Парижѣ 1717 года, при осматриваніи королевскаго монетнаго двора нечаянно въ присутствіи его написпенная.* Съ изображеніемъ медали 27 стр. въ 4 д. л. безъ означенія года и мѣста печати. Брошюра эта содержитъ также дневникъ пребыванія Петра въ Парижѣ.

бонну, гдѣ осматривалъ церковь и библіотеку и тутъ познакомился съ профессоромъ математики Вариньономъ (Varignon), съ которымъ долго разговаривалъ. Сорбонскіе богословы воспользовались посѣщеніемъ Петра, чтобы просить его разрѣшенія представить ему планъ соединенія восточной и западной церквей. Царь согласился принять его, но съ тѣмъ, чтобы представить его на разсмотрѣніе русскаго духовенства. Планъ этотъ былъ написанъ членомъ Сорбонны Бурсье (Boursier) и на другой день поднесенъ Петру; сначала приводятся свидѣтельства св. писанія и отцевъ церкви о необходимости единой церкви, потомъ слѣдуетъ изложеніе догматовъ, принимаемыхъ одинаково обѣими церквами, а въ концѣ изъяснены причины несогласія ихъ между собою. По возвращеніи въ Россію, Петръ передалъ эту записку русскимъ епископамъ, которые остались очень недовольны такимъ предложеніемъ и по разсмотрѣніи его написали отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ не понравился царю, онъ приказалъ написать другой, умѣреннѣе, который и былъ отосланъ въ Парижъ 15 іюня 1718 года, за подписями Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и Варнавы Холмогорскаго. Первый отвѣтъ былъ сочиненъ Стефаномъ Яворскимъ, а второй Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Послѣдній отвѣтъ былъ одобренъ царемъ, хотя сущность отвѣтовъ одинакова, именно, что русскіе епископы не считаютъ себя въ правѣ рѣшить вопросъ о соединеніи церквей безъ участія другихъ народовъ, исповѣдующихъ греческую вѣру и безъ вѣдома четырехъ восточныхъ патріарховъ ([5]).

Изъ Сорбонны Петръ отправился на колокольню церкви Богоматери, откуда съ подзорной трубой смотрѣлъ на городъ, потомъ заѣхалъ къ Пижону (Pigeon), изобрѣтателю движущагося глобуса, который такъ понравился царю, что онъ приказалъ купить его для себя за 2000 экю.

4 іюня Петръ былъ снова на гобелиновой фабрикѣ.

«Въ 5 день царское величество изволилъ смотрѣть экзерциціи французской гвардіи конной и мушкатеровъ».

Войска были расположены въ Елисейскихъ поляхъ; почти весь дворъ и всѣ иностранные министры присутствовали на этомъ смотру; принцы Роганскій (de Rohan) и Субизскій (de Soubise) командовали ротами жандармовъ Дюкъ де Шолнесъ (duc de Chaulnes) съ сыномъ—конницей, Дартаньонъ (d'Artagnon) и Каниньякъ двумя ротами мускатеровъ; дюки де Мене (de Mennet) и де Гизъ (de Guise) были верхами; швейцарской и французской гвардіи было двѣ роты. Петръ прибылъ въ четвертомъ часу съ герцогомъ Орлеанскимъ и сѣлъ на королевскую лошадь, онъ проскакалъ передъ войскомъ; но возвращался тише, потомъ смотрѣлъ на ученіе пѣхоты, но такъ какъ отъ многочисленнаго стеченія народа и множества каретъ и лошадей поднялась ужасная пыль, то не дождавшись конца военныхъ экзерциій, царь съ регентомъ уѣхали въ Тюльери, гдѣ въ уединенномъ мѣстѣ разговаривали съ полчаса, причемъ переводчикомъ былъ князь Куракинъ. Потомъ послѣ гулянья въ саду съ маршалами Тессе, Естре (d'Estrées) и Матиньонъ (Matignon), поѣхали въ Сенъ-Уанъ, гдѣ у дюка Тремскаго (duc de Tresmes) Парижскаго губернатора, былъ ужинъ, на которомъ присутствовалъ и графъ де Бетюнь (comte de Béthune). Ужинъ продолжался три часа: такъ былъ веселъ и разговорчивъ царь.

6 іюня являлись къ Петру посланники: Португальскій и Мальтійскаго ордена и

([5]) Содержаніе предложенія Сорбонскихъ богослововъ, разсужденія о немъ русскихъ епископовъ и отвѣтъ, отправленный въ Парижъ, напечатаны въ Дѣян. Петра в. Голикова т. VI, стр. 162—175.

Папскій нунцій, говорившій привѣтствіе по италіянски, на которое отвѣчалъ по италіянски же Шафировъ. Въ этотъ же день царь пригласилъ къ себѣ утромъ географа Делиля (Delille) и долго бесѣдовалъ съ нимъ, черезъ переводчика, о положеніи и пространствѣ своихъ владѣній и чтобы дать этому ученому болѣе точное понятіе о нихъ, велѣлъ подать двѣ сдѣланныя, по его приказанію, рукописныя карты Россіи; потомъ онъ ѣздилъ смотрѣть химическіе опыты, которые производилъ Жофруа (Geoffroy) и былъ въ лавкѣ купца Каллей (Calley), у котораго накупилъ много разныхъ вещей; былъ снова на обсерваторіи, гдѣ провелъ болѣе двухъ часовъ, оттуда ѣздилъ къ г. Гоггеру (Hoggére) смотрѣть принадлежавшій ему небольшой корабль, вечеромъ ужиналъ у герцога д'Антенъ съ графомъ Тулузскимъ, который поднесъ Петру морскую карту.

«Въ 7-й день, по полудни Дукъ де Орлеанъ былъ у царскаго величества, потомъ царское величество ѣздилъ къ королю прощаться», потому что на другой день былъ предположенъ отъѣздъ царя изъ Парижа; по этому случаю отрядъ стрѣлковъ былъ назначенъ сопровождать его. Царь прошелъ къ королю черезъ комнаты маршала Виллеруа и подарилъ королю планъ Петербурга; послѣ Петръ поѣхалъ въ Пале-Рояль къ герцогу и герцогинѣ Орлеанскимъ. Вечеръ этого дня Петръ провелъ у маршала Виллярса, который принялъ его со всевозможнымъ торжествомъ; ужинъ прошелъ очень весело, каждый тостъ сопровождался пушечной пальбой. Того же числа Петръ хотѣлъ видѣть глазную операцію, а потому поручилъ своему медику Арескину отыскать опытнаго и искуснаго глазнаго оператора. Профессоръ анатоміи Дю Верней (Duvernay) указалъ для этой цѣли на англичанина Вулгауза (Woolhause), который при царѣ и сдѣлалъ весьма удачно операцію 65 лѣтнему слѣпому инвалиду. Когда операторъ коснулся иглою глаза больнаго, Петръ невольно отворотился, но любопытство превозмогло, и онъ внимательно слѣдилъ за снятіемъ катаракты и довольный операціей обѣщалъ прислать доктору ученика.

8-го іюня Петръ отправился въ судебную палату, чтобы присутствовать при засѣданіи парламента; предсѣдатель ввелъ его въ залу и помѣстилъ на такое мѣсто, съ котораго Петръ могъ все видѣть. Когда началось засѣданіе, адвокаты Мишо (Michaud) и Геринъ (Guèrin) говорили рѣчи, прокуроръ Ламуаньонъ (Lamoignon) всталъ и изложивъ содержаніе дѣла, которое рѣшалось, заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что присутствіе въ палатѣ столь могущественнаго и отдаленнаго монарха, такое замѣчательное событіе, что должно быть занесено въ парламентскій актъ. Предложеніе это было принято единогласно и тогда же записано на память потомству. Члены палаты въ этотъ день были въ красныхъ эпанчахъ, съ мѣховою опушкой, которыя надѣвались въ подобномъ же случаѣ, при посѣщеніи Карла V.

Въ этотъ день король пріѣзжалъ къ Петру прощаться, послѣ чего царь отправился въ академію наукъ, гдѣ по этому случаю было назначено чрезвычайное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ аббата Биньона (Bignon). Ученое сословіе старалось показать царю все что̀ было новаго и примѣчательнаго по части опытныхъ наукъ: де Лафей (de Lafey) показывалъ модель водоподъемной машины, Лемери (Lemery) показывалъ химическіе опыты, Реомюръ (Réaumur) приготовленные имъ къ изданію рисунки къ исторіи искусствъ, Далемъ—(Dalesme) дѣйствіе новой подъемной машины. Царь просилъ академиковъ сидѣть въ его присутствіи и все осматривалъ съ большимъ вниманіемъ; въ протоколахъ этого засѣданія записано: «Царь удостоилъ ака-

демію своимъ посѣщеніемъ, и ему показали: машину г. Лафея для подниманія вверхъ воды; кристаллированную сѣрнокислую цинковую соль, подъемную машину г. Далема и карту г. Лекамюса (Lecamus). Академики вышли на встрѣчу царя до самой лѣстницы; вошедши онъ не садился, и всѣ прочіе также стояли; осмотрѣвъ представленныя ему машины, которыя тутъ же были объяснены, онъ вышелъ опять сопровождаемый до самой лѣстницы» (6). Въ академіи словесныхъ наукъ ему показывали исторію Людовика XIV, по медалямъ, которыя ему такъ понравились, что онъ на другой день изъявилъ желаніе снова ихъ осмотрѣть; еще съ бо́льшимъ вниманіемъ чѣмъ наканунѣ разсматривалъ онъ ихъ; одна медаль особенно понравилась ему съ изображеніемъ восходящаго солнца и надписью: Jubet sperare, которая тутъ же и была поднесена ему. Въ 6 часовъ онъ возвратился домой и слушалъ всенощную, на канунѣ Духова дня, въ своей походной церкви, въ которой на другой день слушалъ обѣдню.

Въ день отъѣзда изъ Парижа, 9-го іюня, Петръ посѣтилъ и госпожу Ментенонъ. Онъ засталъ ее въ постели; царь открылъ занавѣсъ кровати и долго, пристально смотрѣлъ на нее молча, потомъ сѣлъ у ногъ ея на постели и спросилъ, чѣмъ она больна? Она отвѣчала: „старостію“. Петръ всталъ и уѣхалъ. Въ Сорбоннѣ онъ оказалъ больше вниманія статуѣ Ришелье, чѣмъ живой Ментенонъ. Тѣмъ не менѣе его посѣщеніе какъ то оживило лице 82 лѣтней старухи; свидѣтели этого свиданія разсказывали, что въ минуту появленія Петра на лицѣ старухи блеснулъ лучь прежней красоты.

„Въ 9 день іюня, послѣ обѣда царское величество поѣхалъ изъ Парижа и пріѣхали почевать въ деревню Марки де Ливри, которая называется Ливри, отъ Парижа въ 4 миляхъ и поутру въ 8 часу поѣхали и переѣхали двѣ почты, обѣдали въ мѣстечкѣ Нантели, которая Маршалка д'Етре и переѣхавъ послѣ обѣда 3 перемѣны и ночевали въ городѣ Суазанѣ, гдѣ были въ вечеру у интенданта на дворъ луминаціи.“

Десять стрѣлковъ сопровождали Петра до Суассона (Soisson), за ужиномъ у маркиза Ливри (marquis de Livry) онъ пилъ за здоровье короля и регента.

На другой день послѣ прогулки въ садахъ Ливри, Петръ сѣлъ въ коляску съ Ягужинскимъ и поѣхалъ въ Нантейль (Nanteuil), по дорогѣ въ Спа.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, Петръ очень любовался живописью на эмали англичанина Боата (Boite) и заказалъ ему нѣсколько своихъ портретовъ, которые, передъ выѣздомъ изъ Парижа, роздалъ осыпанные брилліантами: герцогу д'Антенъ, маршаламъ Тессе и д'Естре, маркизу Ливри и г. Вертону (Verton), бывшему при немъ гофмаршаломъ отъ короля. Вертономъ Петръ былъ особенно доволенъ, такъ что выпросилъ ему у регента 6000 ливровъ пенсіи въ годъ. Г. Крему (Cresme) пожаловалъ золотые часы, нѣкоторымъ офицерамъ далъ большія золотыя медали; полторы тысячи червонцевъ роздалъ состоявшимъ при немъ офицерамъ и столько же офицерамъ въ Версали, въ Марли, въ Тріанонѣ, въ Медонѣ и въ Фонтенебло. Царю же король поднесъ осыпанную брилліантами шпагу, которую онъ не принялъ. Выѣзжая изъ Франціи, Петръ съ сожалѣніемъ говорилъ, что она погибнетъ отъ роскоши.

---

(6) К. Августинъ Голицынъ нашелъ въ архивѣ Парижской академіи наукъ, въ 1859 году, протоколъ засѣданія академіи, при которомъ присутствовалъ Петръ, грамату за подписью Петра, присланную академіи и протоколъ засѣданія академіи, когда Петръ былъ избранъ въ члены академіи. Всѣ эти документы изданы были к. Голицынымъ въ *Bulletin du Bibliophile* 1859 г. и также отдѣльно на Русскомъ языкѣ.

Въ бытность въ Парижѣ, у себя, царь обѣдалъ очень поздно, не ужиналъ и ложился спать рано, и всякій день купался; съ нимъ садилось за столъ 14 человѣкъ, а всей свиты съ нимъ было 30 человѣкъ; прислугу свою онъ одѣлъ во французское платье изъ зеленой матеріи съ золотымъ галуномъ. Король прислалъ ему для разъѣздовъ свою карету, запряженную въ шесть лошадей, но онъ просилъ оставить только двѣ. Всякій день, съ ранняго утра, вездѣ осматривалъ онъ внимательно все, что̀ ему было любопытно въ научномъ или художественномъ отношеніяхъ. Если какая нибудь вещь привлекала особенно его вниманіе, то ее относили къ нему въ комнату, чтобы на досугѣ онъ могъ разсмотрѣть ее. Но какъ ни казался царь занятымъ окружавшими его предметами, это не мѣшало ему имѣть частыя совѣщанія съ королевскими министрами и особенно съ маршаломъ Тессе.

Нѣкоторые музыканты изъ оперной труппы просились къ царю на службу, но получили отказъ. Счастливѣе ихъ были французскіе купцы, которыхъ предложенія были приняты.

Въ то время, въ Парижѣ полагали, что предметомъ частыхъ совѣщаній съ маршаломъ Тессе былъ торговый трактатъ, а не сѣверный миръ; говорили даже, что царь только и ждалъ подписанія столь выгоднаго для Франціи трактата, чтобы уѣхать.

Любознательность Петра была такова, что онъ неоднократно съ Куракинымъ и другими лицами изъ своей свиты отправлялся къ Бутерфильду (Buterfield), мастеру математическихъ инструментовъ, чтобы видѣть опыты съ магнитомъ и другіе. Бутерфильдъ говорилъ съ Петромъ по голландски, безъ переводчика; царь заказалъ ему нѣсколько инструментовъ. Потомъ отъ Бутерфильда онъ отправлялся осматривать кабинетъ рѣдкостей г. Пажо д'Озембрей (Pajo d'Ozembray); отецъ Себастіанъ (Sebastien), кармелитъ и знаменитый математикъ, дѣлалъ въ присутствіи царя различные опыты, которыми Петръ оставался очень доволенъ.

Петръ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, лице было смуглое, оживленное большими глазами, взглядъ которыхъ былъ проницательный, иногда суровый, особенно когда у него дѣлались судороги въ лицѣ, которыя искажали совершенно его выраженіе; при пріемахъ, лице его дѣлалось привѣтливо и красиво, хотя постоянно сохраняло свое величіе. Движенія его были грубы и быстры и показывали пылкость его характера и силу страстей. Его душевная дѣятельность не стѣснялась никакимъ приличіемъ. Величіе, смѣшанное съ дерзостію, обнаруживало въ немъ человѣка, который чувствовалъ себя вездѣ первымъ. Привычка властвовать была причиною, что его желанія, прихоти, приказанія скоро смѣнялись; онъ не терпѣлъ препятствій времени, мѣстности, обстоятельствъ. Иногда наскученный, но никогда не стѣсненный, толпою любопытныхъ, онъ распускалъ ихъ однимъ словомъ или знакомъ или уходилъ, куда его влекла любознательность. Если его кареты не было у подъѣзда, онъ садился въ первую попавшуюся, даже извощичью. Однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Матиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ и уѣхалъ въ Булонскій лѣсъ. Одѣвался онъ просто: суконный камзолъ, широкій кушакъ, къ которому пристегнута была шпага, круглый парикъ, безъ пудры, до затылка, рубашка безъ манжетъ. Въ бытность въ Парижѣ онъ заказалъ себѣ новый парикъ; парикмахеръ счелъ лучшимъ сдѣлать его по модѣ, длинный и густой; царь самъ ножницами обрѣзалъ его по образцу, какъ прежде носилъ. Вотъ какимъ описываютъ современники иностранцы великаго Петра.

По возвращеніи въ Россію, Петръ получилъ извѣстіе объ избраніи его членомъ Парижской Академіи Наукъ. Аббатъ Биньонъ, письмомъ отъ 10 августа 1717 года, увѣдомилъ о томъ лейбъ-медика царскаго Арескина, который отвѣчалъ на это письмо только 17 ноября, извиняясь въ позднемъ отвѣтѣ утомительнымъ путешествіемъ и многотрудными дѣлами. Далѣе Арескинъ говоритъ: „Его величеству весьма пріятно, что ваше знаменитое собраніе удостоило его принятіемъ въ число своихъ членовъ, представляя ему свои благородные труды съ 1699 года, принадлежащіе по праву каждому академику. Онъ при случаѣ постарается засвидѣтельствовать вамъ свою за то благодарность. Его величество также одобряетъ ваше, милостивый государь, мнѣніе, что передъ наукою отличіе состоитъ не столько въ высокомъ званіи, сколько въ геніѣ, талантахъ и трудолюбіи, а тщательными своими изысканіями всѣхъ возможныхъ рѣдкостей и открытій въ своихъ владѣніяхъ и сообщеніемъ оныхъ Академіи, его величество постарается заслужить имя полезнаго члена вашего знаменитаго собранія ([7])."

По выслушаніи этого письма, „все собраніе", говоритъ протоколъ засѣданія (въ среду, 22 декабря 1717 года) бывшаго подъ предсѣдательствомъ аббата Биньона, рѣшило единогласно и безъ балотировки признать царя академикомъ *hors de tout rang* и возложило на президента всепокорнѣйше возблагодарить его величество отъ имени всей Академіи".

Въ письмѣ отъ 24 декабря 1717 года, на имя государя, Биньонъ изъясняетъ чувства признательности и радости всей Академіи при извѣстіи о принятіи царемъ званія академика, говоритъ, что г. секретарю Академіи Фонтенелю поручено написать благодарственный отвѣтъ и должаетъ: „Никто лучше его (Фонтенеля) не въ состояніи того исполнить. Онъ уже показалъ опыты своего искуства во всѣхъ родахъ и особенно богатъ прекрасными и изящными выраженіями; и такъ, предоставляя ему сказать вашему величеству то, что̀ прилично при подобномъ случаѣ, ограничу себя увѣреніемъ, что между нами нѣтъ ни одного, который бы охотно ни приложилъ стараній своихъ къ тому, что̀ можетъ вамъ быть угодно. Вашему величеству стоитъ только повелѣть: вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что нѣтъ науки, въ которой бы кто нибудь изъ членовъ Академіи не могъ васъ удовлетворить. Мы всегда почтемъ особенною милостію, если вашему величеству угодно намъ будетъ что нибудь приказать. Сіе чувство происходитъ не отъ уваженія должнаго вашему сану: оно есть дань удивленія, въ которое насъ приводятъ великія предначертанія, васъ всегда занимавшія, и къ которымъ присоединить можно одно только желаніе, чтобъ въ климатѣ, куда до сего еще съ трудомъ проникали искуства и науки, нашлись люди могущіе соотвѣтствовать блистательнымъ видамъ вашего величества" и пр. ([8]).

Благодарственный отвѣтъ Фонтенеля государю былъ написанъ 13 января 1718 года. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ между прочимъ: „Науки, для пользы которыхъ угодно вамъ было сойти къ состоянію частнаго человѣка, движимыя должною признательностію, поставятъ васъ на ряду съ величайшими монархами, съ Августами и Карлами Великими. Умножать число подданныхъ оружіемъ, что̀ исполнено вашимъ величествомъ, есть слава весьма обыкновенная для государей, но гораздо необыкновеннѣе усовер-

([7]) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г. стр. 2.

([8]) Это письмо и слѣдующее напечатаны въ подлинникахъ, съ переводомъ, вполнѣ въ Отеч. Запискахъ 1821 г ч. V, стр. 180. Очевидно, Французамъ хотѣлось очень поступить на Русское царское жалованіе. *П. Б.*

шенствовать образованіе народа своего и тѣмъ устроивать его благополучіе и пр.“ Письмо оканчивается обѣщаніями представлять государю отчеты о дѣйствіяхъ Академіи.

Въ слѣдующемъ году, 27 декабря, 1719 года, Фонтенель писалъ еще къ Петру письмо, въ болѣе блестящихъ выраженіяхъ; онъ начинаетъ снова благодарностію Академіи и продолжаетъ такъ: „Побѣда, одержанная вами, государь, надъ невѣжествомъ, которое въ нихъ (владѣніяхъ) царствовало, останется навсегда самою блистательной и удивительной изъ всѣхъ вашихъ побѣдъ. Оружіемъ своимъ и вы, подобно другимъ героямъ, пріобрѣли себѣ новыхъ подданныхъ; но тѣ, которые принадлежали вамъ по праву рожденія, просвѣтясь познаніями, отъ васъ же заимствованными, сдѣлались подданными совсѣмъ новыми, болѣе просвѣщенными, счастливыми, болѣе достойными повиноваться вамъ. Вы завоевали ихъ науками, и этотъ родъ побѣды, столько же полезный для нихъ, сколько славный для васъ, Провидѣніемъ предоставленъ вашему величеству и проч.“ (9).

Въ 1721 году 11 февраля, Петръ послалъ Академіи грамоту, въ которой благодаритъ за избраніе въ члены Академіи, проситъ содержать съ нимъ корреспонденцію и сообщать, какія новыя декуверты отъ Академіи учинены будутъ, въ замѣнъ чего лейбъ медикъ Блюментростъ, который по смерти Арескина заступилъ его мѣсто, будетъ сообщать Академіи о томъ, что̀ въ Россіи новаго и разсужденія Академіи достойнаго случится. Грамота подписана собственноручно Петромъ, писана на бумагѣ, въ листъ, и занимаетъ двѣ страницы; на оборотѣ адресъ: *Regiae Gallicae Illustri Scientiarum Academiae;* къ грамотѣ приложена печать. Донынѣ въ кабинетныхъ бумагахъ Петра хранится черновой отпускъ съ этой грамоты, исправленный рукою самаго царя (10).

При этомъ случаѣ царь послалъ Академіи въ даръ составленную по его порученію карту Каспійскаго моря. Блюментростъ письмомъ, отъ 14 февраля 1721 года, на имя Академіи увѣдомлялъ ее о заботливости и попеченіяхъ, съ какими его царское величество собираетъ все, что̀ только природа и искуство производятъ любопытнаго и рѣдкаго въ его имперіи и объ усиліяхъ государя водворить въ ней науки и художества, которыя, до восшествія его на престолъ, были почти недосягаемы. За симъ онъ подробно исчисляетъ найденныя неточности въ прежнихъ картахъ Каспійскаго моря и сообщаетъ объ отправленныхъ царемъ ученыхъ въ Сибирь, Астрахань и Казань для изслѣдованій трехъ царствъ природы (11).

Съ грамотой посланъ былъ въ Парижъ библіотекарь основанной въ Петербургѣ Петромъ библіотеки, Шумахеръ; ему же поручено было передать Академіи письмо Блюментроста, карту Каспійскаго моря и образцы орнитологическаго описанія, сдѣланныя первымъ ученымъ путешественникомъ по Сибири, докторомъ Мессершмидтомъ (Messerschmidt).

По пріѣздѣ въ Парижъ, Шумахеръ явился съ письмомъ Блюментроста къ аббату Биньону, который просилъ его передать ему царскую грамоту и карту; но Шумахеръ отвѣтилъ, что онъ обязанъ вручить ихъ Академіи въ публичномъ засѣданіи, которое и было назначено на другой день, въ Луврѣ, въ 3 часа. Географъ Делиль былъ посланъ отъ лица всей Академіи просить Шумахера въ засѣданіе, въ которомъ онъ и передалъ цар-

(9) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г. стр. 2.

(10) Текстъ грамоты напечатанъ въ Отечест. Запискахъ 1821 года, ч V, стр. 186.

(11) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г., стр. 4.

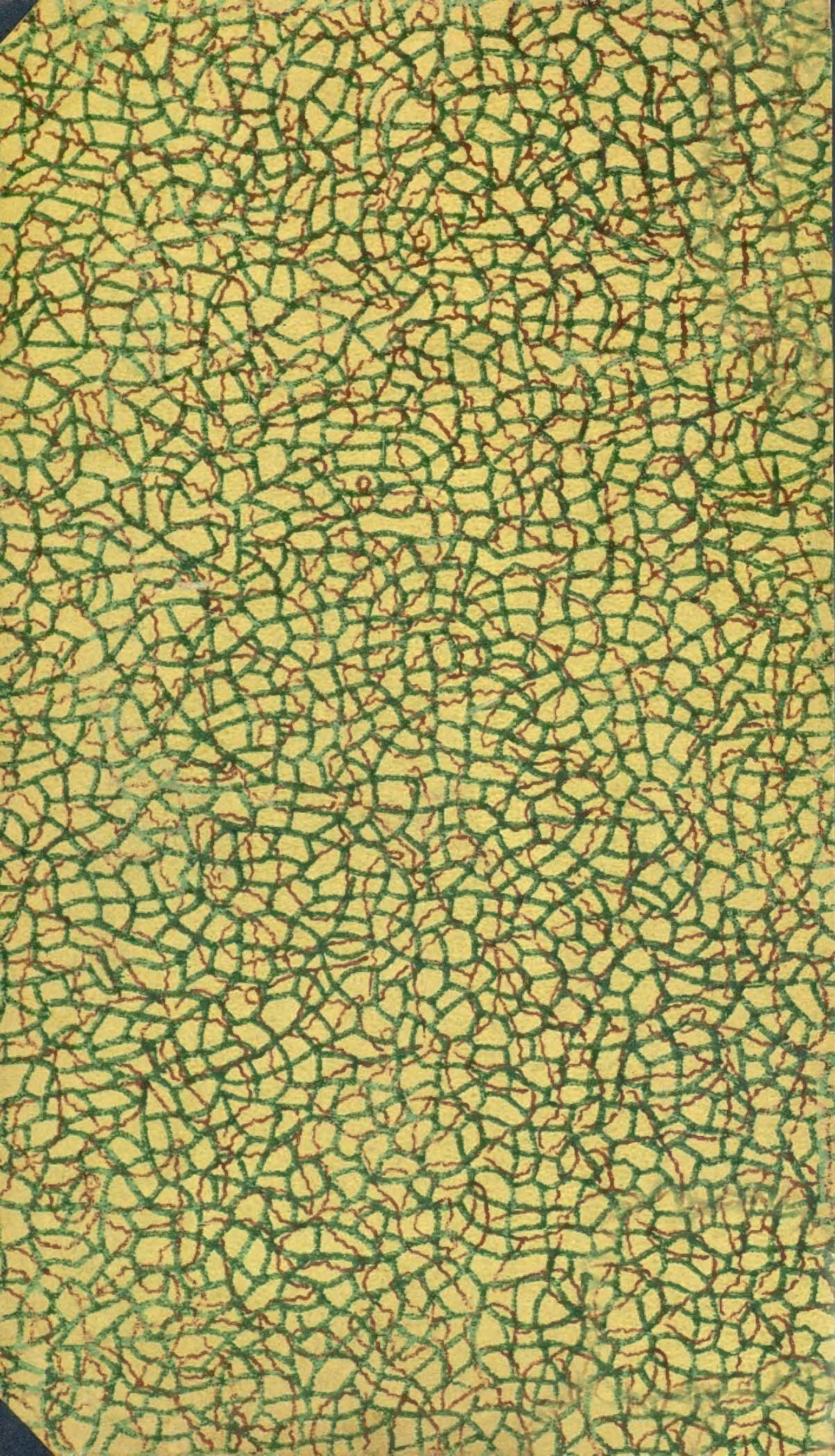
скую грамоту *съ обычнымъ комплиментомъ*. По прочтеніи грамоты маркизъ де Торси (marquis de Torcy) выразилъ признательность государю, который изъ любви къ наукѣ принялъ званіе члена ученаго общества. Послѣ этого академики съ большимъ вниманіемъ разсматривали карту Каспійскаго моря, которое было представлено совершенно иначе, нежели какимъ его себѣ воображали до тѣхъ поръ европейскіе географы.

Описанія Мессершмидта возбудили желаніе академиковъ имѣть такія же описанія и изображенія красками изъ всѣхъ областей Россіи. Вообще Шумахеръ былъ очень доволенъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему парижскими учеными. Аббатъ Фриже (Frigé) представлялъ его молодому королю, при чемъ маршалъ Виллеруа сказалъ про Петра: „Воистинну великій монархъ, котораго нынѣ всѣ прочіе монархи за совершенный образецъ имѣть могутъ“ (12). Письмомъ отъ 15 октября 1721 года, Фонтенель благодарилъ Петра отъ лица Академіи за грамоту и препроводилъ къ нему послѣдніе томы исторіи Академіи (13). Впечатлѣніе, оставленное Петромъ во Франціи, было самое благопріятное. Ему отдавали должное. Спустя девять мѣсяцевъ послѣ кончины государя, 14 ноября 1725 года, въ публичномъ собраніи Парижской Академіи Наукъ, Фонтенель прочелъ похвальное слово Петру Великому, которое начинается такъ: „Такъ какъ не было еще примѣра похвальнаго слова, произнесеннаго Академіею какому либо монарху, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ ея, то мы считаемъ долгомъ предварить нашихъ слушателей, что о покойномъ царѣ будемъ говорить только, какъ объ академикѣ, но объ академикѣ-вѣнценосцѣ, давшемъ жизнь наукамъ и художествамъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ; даже, если будемъ разсматривать его, какъ воина и побѣдителя, то именно въ томъ отношеніи, что искуство воевать было одно изъ тѣхъ, которымъ онъ научилъ своихъ подданныхъ. Московія или Россія была еще въ такомъ невѣжествѣ, такъ необразованна, какъ почти всѣ народы въ первую эпоху ихъ жизни. Это не значитъ, что въ Русскихъ не было живости, предпріимчивости, генія и смѣтливости подражать тому что видятъ; но всякая промышленность была у нихъ заглушена; крестьяне, рожденные въ крѣпостномъ состояніи и угнетенные безжалостными помѣщиками, довольствуясь тѣмъ, что грубое земледѣліе приноситъ имъ только кусокъ хлѣба, не могли, да и не смѣли обогащаться. Даже сами господа ихъ боялись казаться богатыми, а вѣдь художества дѣти роскоши и кроткаго правленія и т. далѣе» (14).

М. Полуденскій.

(12) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго т. I, стр. 50.

(13) Напечатано вполнѣ въ Маякѣ 1840 г. стр. 5.

(14) Полный переводъ этого похвальнаго слова напечатанъ въ Маякѣ 1840 года ч IV, стр. 102.

Изъ Русскаго Архива 1865 г.
Дозволено цензурой. Москва 1 апрѣля 1865 года.
Въ типографіи Грачева и комп.